

Ольга ШИЛЕНКО

ВИДЕНИЯ В БЕРЕНДЕЯХ

Играет ночь скопленьями созвездий:
Где низ, где верх, река иль молоко
Над головой и под ногами в бездне,
Которая глядит из тьмы веков?

Шумит орех – отец лесов грядущих,
Созрела лебеда – левады мать.
И пращуром поющая лягушка
Для озера лягушек хочет стать.

Выходит, и Вселенная растёт.
И почему зачёркнуто всё иксом?
А по утрам в окно прозрачный мёд
Подсолнечный на веки мне струится.

Куда-то отступают миражи
Летучих снов, и будит душу трепет:
О, если сны – вторая наша жизнь,
То, значит, есть какая-то и третья?

Читай, поэт, фантастику паров
И пробы облаков, что воздух лепит,
Увидь в лицо сей дивный мир миров,
И ты услышишь его детский лепет.

Сомлел мой лес в цветенье за сезон
И впал в дремучий первобытный сон.
Как сладко спать под пухом тополихи,
Когда в траве и в небе тихо-тихо.

И я там сплю
в блаженном странном сне
И слов не понимаю о войне.

...Всего лишь час, как из ребра Адама
Бог сотворил меня
в межзвёздном храме.

Ласкает лешонка в лукошке
И кошкой мурлычет лешак.
Глаз зверя горит, иль окошко
Пронзает нефритовый мрак...

То шепчется лес, то заплачет,
То в дудку вздохнёт, то в свирель.
Гудит чьё-то дерево-мачта,
Скрипит чьё-то дерево-дверь.

Что Север, что Юг: всё здесь зыбко,
И дебри как судьбы окрест.
Качается дерево зыбка,
Растёт чьё-то дерево крест.

Замигали в листьях пересветы,
Полыхнуло хладом в синеве.
Вроде ночью падали кометы,
Глянeshь утром – персики в траве.

Лунно. Осыпаются Плеяды,
Пепел лёг на светлый виноград.
Это ведь не просто звездопады,
Это чьи-то катастрофы, брат.

В яблочном бредовом аромате
Загадал, чтоб не было войны
Оловянный маленький солдатик,
Что ожил в сиянии луны...

Паутина

Пришёл антихрист – изумил,
Впустил и в даль, и в глубь эфира.
Дал много глаз и много крыл,
Я путешествую по миру.
Я вижу веси, города,
Вчерашний день и день грядущий.
Покорны горы и вода,
Открыты страны мне и кущи.
Вкушает мёд, и яд, и дёготь

Хвощи на окнах, папоротник, горы,
Кристаллы льда и лёгкий иней-пух.

Напоминает холод-архитектор,
Как было всё вначале... как потом
По чертежам его, едва затеплясь,
Апрель над каждым колдовал листом.

Взгляни в хитросплетения растений,
В их жилы, нервы, капилляров ткань...
Всё – жизнь!

Замызганное слово гений –
Вмещает лишь простой воды стакан.

Вода – и пар, и дождь, и атом силы,
И стебель, и созвездие цветка,
И плод, и кровь субстанции красивой,
И мы с тобой, прошедшие века.

А что есть хаос – пыль иль созиданье?
Из глины и воды замешан мир
И на камнях стоит легко, как зданье,
Глотая жадно мыслящий эфир.

Птица юности

Я приеду в тот город
На развилке трёх рек,
Где мои невозможно
Великие горы
Сохранили здесь тихий
Двадцатый век,
Не раздолбанный урбой и горем.

Разыщу лубяную резную избушку
И у белой козы, у кота и у пса
 Попрошу позвать Таньку,
оторву-подружку,
И увижу её голубые глаза.

И обнимут меня легкокрылые руки,
Отложив и слова, и печаль на потом,
Будто не было этой столетней разлуки,
Как родную приветит меня
старый дом.

Про беду промолчит
И про счастье не вспомнит.
Лишь застынет улыбка
На горьких губах.

А устав улыбаться,
Уснёт Танька в полдень.
И увидится ясно её мне судьба.
Я уйду, потрясённая силою духа.
Пожалеть – оскорбится.
Помоги – огорчишь.
Я уйду, а она будет спать
белой птицей,
Разметав костыли
в светозарную тишь.

* * *

Сквозь тугие дебри ливней,
Затянувшихся в судьбе,
Огонёк в окне счастливым
Позовёт меня к тебе.

...Переждать лишь дождь останусь...
Блюз... стихи... двадцатый век.
А проснусь, уж окаянный –
Двадцать первый. Валит снег.

Снег на голове и крышах,
в тридевятых снах тот дом,
И счастливы, что не слышат,
Что случится

здесь
потом...

Зной

Два ангела парили в облаках.
Сомлели мы, и в озеро Кенгирское
Вошли, не скинув
выцветших рубах.
Зной усмехался.
Тёк закат неистовый.

Не знала я, что счастлива была...
Так было далеко до потрясений!
Под ангелами пара душ плыла,
Под ангелами в золоте осеннем.

Они нам подарили этот день,
До вечера храня тепло и негу,
Два ангела, не уронивши тень,
Кружили над водой
В прошедшем веке.